

На правах рукописи

БОНДАРЕЦ ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МИФОЛОГИЗМОВ
В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ
(на материале сборников заговоров)**

Специальность: 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
*диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук*

Тюмень 2004

Диссертация выполнена на кафедре общего языкознания Тюменского государственного университета

Научный руководитель

доктор филологических наук,
профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Фролов Николай Константинович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор,
Лютикова Вера Дмитриевна

кандидат филологических наук,
доцент,
Аверьянова Екатерина Викторовна

Ведущая организация

**Курганский государственный
университет**

Защита состоится « 9 » июня 2004 г. в « 10.00 » часов на заседании диссертационного совета К 212.274.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Тюменском государственном университете по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10, ауд. 325.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменского государственного университета.

Автореферат разослан « 7 » мая 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

Вараксин Л.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Язык фольклора представляет собой сложную систему, в которой лексические единицы связаны друг с другом эксплицитными семантическими отношениями. Каждый жанр фольклора характеризуется особым языком, содержит специфичный объем культурной информации. В качестве доминанты фольклорного текста в разное время признавались мотив у А.Н. Веселовского, функция у В.Я. Проппа [1983], многокомпонентный символ у В. Тэрнера [1983], фольклорное значение, мифема у К. Леви-Строса [1970], реальный предмет, элемент космоса у В.Н. Топорова [1973], акт обряда у Н.И. Толстого [Толстой 1973], обрядовый символ у Н.И. Толстого [1982], традиционно-фольклорный смысл у П.П. Червинского [1989]. Заговоры рассматриваются как тексты, реализующие какую-либо прагматическую задачу. Жанр заговора является проявлением магической функции речи, которая представляется частным случаем призывно-побудительной функции.

Изучение лексики восточнославянских заговоров, ее классификация имеет свою историю в отечественном языкознании. Известно несколько подходов к группировке языковых единиц этого лексического пласта. Классификации лексического состава заговоров были предложены А.М.Песковым [1977], О.А. Черепановой [1991], А.В. Юдиным [1992].

Актуальность постановки проблемы. Лексика языка отражает генетическую связь языковой системы с картиной мира отдельно взятого индивидуума и социума в целом в диахронии. В лексиконе любого языка количественное преимущество принадлежит онимии, являющейся предметом ономастики. Ономастика – раздел языкознания, который изучает собственные имена, представляющие собой относительно консервативный пласт лексики.

Заговоры как фольклорный жанр отличаются стойкостью и консерватизмом, сохраняют мировоззренческую архаику благодаря своей маргинальности. Изучение лексико-семантической структуры основной единицы заговорных текстов – **мифологизма** – представляет собой специфическую проблему, неразрывно связанную с глобальными процессами взаимоотношений и взаимовлияний в триаде «частное проявление речи (заговор) – речь – язык».

В связи с этим возникла необходимость обобщения и систематизации материала, создания новой, более развернутой классификации заговорных мифологизмов, переосмысления статуса апеллятивной лексики и имен собственных в заговорах, так как в мифологическом мышлении каждое слово многопланово, многозначно, представляет собой сложную иерархически организованную семантическую структуру, связанную с другими языковыми единицами. Изучение лексики в соответствии с ее дистрибуцией в композиции заговора позволит определить семантику каждой составляющей части текста, заполнить композиционную схему заговора наиболее частотными мифологизмами. Сравнительно-исторический анализ заговорных

номенов, экскурс в историю возникновения и становления их семантики, выполненный на материале русского, украинского и белорусского языков, призван подтвердить идею действенности маргинальной мифологической лексики как одного из способов сохранения ономастического континуума восточнославянских народов.

Научная новизна исследования. В диссертационной работе впервые применен комплексный подход к интерпретации мифологической лексики трех восточнославянских языков. Выявление и описание лексико-семантической структуры каждого мифологизма в отдельности, создание развернутой тематической классификации мифологизмов заговорных текстов, основанной на принципиально новом подходе к основной единице речи заговорных текстов, позволяет проследить влияние мифологической лексики на жанр заговора в родственных языках. Полевой принцип описания лексики в фольклорной ономастике был применен к заговорным текстам А.В.Юдиным [1992]. В нашем исследовании полевой принцип используется при определении семантики отдельных композиционных элементов заговора и создании композиционной схемы, наполненной лексико-семантическими вариантами мифологизмов.

Взаимодействие близкородственных языков, реализующееся на уровне контаминации и интерференции отдельных компонентов их языковых систем, в данном случае, мифологизмов, позволит выявить специфику фольклорно-речевой ментальности русского, украинского, белорусского народов, определить роль маргинальной мифологической лексики для сохранения ономастико-культурной непрерывности восточнославянских этносов. Особого внимания заслуживает попытка рассмотрения эволюции мифологем в восточнославянском фольклоре, установление относительной хронологии данного процесса в доисторический период.

Теоретическая значимость исследования заключается в определении статуса и роли мифологической лексики в восточнославянском фольклоре. Формулировка понятия «мифологизм» применительно к его бытованию в заговорных текстах, соотношение понятий мифема, мифологема и мифологизм, а также создание тематической классификации мифологизмов в восточнославянских заговорах является вкладом в разработку теоретической фольклористики.

Применение полевого принципа при создании инвариантной композиционной схемы жанра заговора и ее наполнение наиболее частотными лексико-семантическими вариантами мифологизмов связано с системно-парадигматическими представлениями о языке. Наблюдения над лексико-семантической структурой мифологизмов в текстах русских, украинских, белорусских заговоров подтверждают основное свойство языка (универсалию) – перемещаемость.

Практическая значимость диссертационной работы определяется возможностью использования результатов в преподавании истории, фольклора, культуры восточных славян, их мифологии, в рамках курса «Введение в славянскую филологию». Исследование лексики заговора –

жанра с четко выраженной прагматической направленностью – интересно с точки зрения прояснения некоторых вопросов этнографического и этнологического характера; следовательно, может быть использовано при изучении этнографии восточных славян.

Результаты изучения мифологизмов в русле наблюдений над ономастической лексикой трех близкородственных восточнославянских языков применимы для дальнейших исследований по древнеславянской лексикологии, русской, украинской, белорусской ономастике, а также при преподавании этих дисциплин. Предложенные толкования семантики номенов заговорных текстов могут быть использованы в лексикографической практике на материале фольклора. Рассмотрение заговора как фольклорного жанра, его эволюции, композиции, специфики, некоторое обобщение опыта работы с маргинальными фольклорными текстами может найти применение в решении теоретических и практических задач фольклористики.

Заговоры как тексты, контаминирующие наследие язычества, наслоения воззрений христианской религии, адаптирующие тексты в основном литературном процессе, испытывающие в процессе бытования влияние со стороны верований иных народов, представляют собой ценнейший материал для изучения истории религиозных представлений восточных славян. Результаты работы с заговорными текстами применимы для изучения в курсе истории религий.

Объектом нашего исследования является ономастическое и апеллятивное пространство восточнославянских заговоров. Ономастическое пространство мы, вслед за Н.К. Фроловым, понимаем как один из компонентов парадигмы культурно-лингвистического пространства, знаний о нем и связей с апеллятивным словарем.

Целью диссертационной работы является описание лексико-семантической структуры мифологизмов в восточнославянском фольклоре (на материале русских, украинских и белорусских заговоров), а также интерпретация восточнославянской мифологической лексики как наследия древнерусской фольклорной ментальности.

Постановка ряда **задач** теоретического и прикладного характера поможет в решении намеченной проблемы:

1. Определение статуса мифологической лексики, эволюции мифологем у восточных славян.

2. Лингвистическая интерпретация мифологизмов в русских, украинских и белорусских заговорных текстах, этимология и семантика данных номинативных единиц.

3. Попытка предложить развернутую тематическую классификацию восточнославянских мифологизмов.

4. Определение семантики композиционных элементов заговора, создание лексико-семантической схемы-инварианта (по полевому принципу).

5. Установление специфики и единства мировоззренческих рефлексов восточных славян в диахронии и синхронии на примере анализа

мифологической лексики русских, украинских, белорусских заговорных текстов.

Источники и материалы. Спецификой онимического материала является его бытование в разнообразных и многочисленных источниках лингвистического и нелингвистического характера. Материалом для изучения **русской** мифологической лексики стали тексты из сборника М. Забылина «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» [Забылин 1880]. Раздел «Заговоры» предваряет авторский комментарий. Материал разбит на тематические группы согласно авторской позиции, содержит 200 единиц заговорных текстов. Русские заговоры, извлеченные из репринтного издания [Забылин 1992], представляют собой массив маргинальных текстов европейской части русского Севера. Они были записаны частными людьми – путешественниками, миссионерами, извлечены из «Сказок Русского Народа Сахарова», из старинных рукописных сборников, из Трудов Этнографических отделов разных городов России. Многие тексты записаны самим автором.

Заговоры, объединенные в сборнике «**Українські замовляння**» [1993], изъяты из изданий конца XIX – начала XX века – сборников украинских этнографов П. Чубинского [1872], П. Ефименко [Ефименко 1874], М. Драгоманова [1876], М. Комарова [1890], А. Петрова [1891], Б. Гринченко [1895; 1900], М. Дыкарива [1903], Я. Новицкого [1913], из «Етнографічного збірника» [1898]. Эти сборники, изученные в процессе работы над диссертацией, содержат тексты заговоров на русском и украинском языках. Поэтому составители издания «Українські замовляння» выделили и объединили в сборнике «найцінніші й найдосконаліші тексти української магії», всего 150 украинских заговорных текстов.

Наиболее полным собранием **белорусских** заговоров считается сборник Е.Р. Романова, который так и называется «Белорусский сборник» [Романов 1891]. Это многотомное издание, включающее практически все образцы народной словесности белорусов.

Избранные для диссертационного исследования сборники заговоров объединяет родство языкового материала (языки фиксации заговорных текстов – русский, украинский и белорусский – относятся к восточнославянской группе), родственность культур, фольклорных традиций. В то же время, опираясь на заявленные источники, предполагается найти и выявить различия в лексико-семантической структуре мифологизмов и их бытовании в заговорных текстах, порожденные национальным колоритом. Наконец, данные сборники избраны материалом для изучения природы мифологизмов с учетом приблизительно одинакового «возраста» изучаемых текстов (их письменная фиксация относится к концу XIX – началу XX века: 1872 – 1913 годы).

В процессе работы над диссертацией было исследовано 550 текстов заговоров (200 русских, 150 украинских, 200 белорусских) и составлена картотека - 905 мифологизмов, представляющих различные разряды онимической и апеллятивной лексики. Каждый мифологизм зафиксирован во

всех существующих вариантах контекстного употребления, число которых варьируется от 1 до 50.

В силу большого объема исследованного материала, а также высокой частотности и повторяемости отдельных мифологизмов, иллюстративная сторона исследования сокращена. В словниках каждая лексема имеет индекс частотности, отражающий количество контекстных вариантов употребления в исследованных текстах.

Методы исследования. Изучение заговорной лексики в нескольких аспектах – историческом, типологическом, социологическом, стилистическом, этногенетическом – представляется наиболее целесообразным. Основными методами исследования материала в диссертационном исследовании являются **описательный, сравнительно-исторический** и **сопоставительный**. Их выбор и приоритет продиктованы целью работы и характером материала – текстами заговоров на русском, украинском и белорусском языках. Диахронический подход к описанию восточнославянской мифологической лексики выводит на новый уровень ее восприятия как наследия древнерусской фольклорно-речевой ментальности. Номинативные единицы родственных восточнославянских языков этимологизируются, сопоставляется их лексико-семантическая структура и функционирование в заговорных текстах. При необходимости используются приемы **ономастического** и **этимологического** анализов, заключающиеся в атрибуции (отнесению к определенному языку), локализации, периодизации и связи ономастикона с апеллятивами при учете структурных и вариантных особенностей названий [Белецкий 1972].

Использование приемов этимологического анализа продуктивно в паре со словообразовательным анализом. Терминологическое обозначение метода лингвистического наблюдения, при помощи которого описываются морфемный состав и способ образования лексемы, наиболее удачно реализовано в дефиниции **«формантный метод»**, при котором анализ слова производится на уровне формантов, представляющих собой аффиксальные комплексы, в том числе и априорно выделяемые повторяющиеся сегменты [Фролов 1996].

Выявление мифологизмов, их лингвистическая интерпретация и создание тематической классификации восточнославянской мифологической лексики производятся с использованием традиционного **дескриптивного** метода, а также с учетом количественных характеристик лексем, т.е. их частотности употребления. Описание и анализ восточнославянской мифологической лексики в заговорах актуализируют идею необходимости применения **комплексного подхода** к данному материалу.

Методы **ретроспекции, экстраполяции и реконструкции** используются в ходе наблюдения над эволюцией мифологем в восточнославянском фольклоре.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были изложены в ряде выступлений: на общероссийской научно-практической конференции «Славянские духовные

традиции Западной Сибири: культура и просвещение, философия и история, язык и литература» (Тюмень, 23 мая 1998г.); межрегиональной научно-практической конференции «А.С. Пушкин: истоки современной письменной культуры» (Тюмень, 22 мая 1999г.); международной научно-практической конференции «История и перспективы этнолингвистического и социокультурного взаимообогащения славянских народов» (Тюмень, 30-31 октября 2002г.); на межрегиональной научно-практической конференции «Традиции славяно-русской культуры в Сибири: русский язык как национальная основа культуры» (Тюмень, 24 мая 2003 г.); областной научно-практической конференции «Межэтническая ситуация в Тюменской области и перспективы изучения родного языка» (Тюмень, 6 ноября 2003 г.). Основные проблемы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры общего языкознания филологического факультета ТГУ (1998 – 2004 гг.). По материалам диссертации опубликовано 3 статьи (одна статья находится в печати), которые отражают основной смысл работы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Мифологизм является основной лексико-семантической единицей заговорных текстов.
2. Интерпретация образного компонента лексического значения как базы формирования дополнительных коннотаций лексико-семантической структуры слова.
3. Выявление специфики лексико-семантической структуры заговорной лексики позволяет классифицировать ее как частное проявление уникальности фольклорной лексики восточнославянских народов.
4. Единство мифологизмов в русских, украинских, белорусских заговорах свидетельствует об общности восточнославянской фольклорно-речевой ментальности, шире – о наличии единых рефлексов в истории человечества.

Структура диссертации сложилась в соответствии с традиционной аналитической направленностью – от теоретических выкладок (Введение, Глава I) к рассмотрению конкретного языкового материала, представленного заговорными мифологизмами в русских, украинских и белорусских текстах (Главы II, III). В Заключении сформулированы основные выводы исследований заговорной лексики. Список исследованной литературы, Приложения (I – словники к сборникам заговоров, II – список сокращений) дополняют структуру диссертационной работы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность постановки проблемы, определяется научная новизна работы и теоретико-практическая значимость, формулируются цель и задачи, объект исследования, освещается история изучения заговоров и их лексики в восточнославянской лингвистике и фольклористике, определяются источники и материалы, а также методы их исследования.

В первой главе «**Маргинальность заговора как жанра фольклора, его апеллятивно-ономастического пространства у восточных славян**» рассматривается специфика заговора как фольклорного жанра, текста, речевого жанра, его лексики в русском, украинском, белорусском фольклоре. В п. 1.1. «**Несколько предварительных замечаний о терминопонятиях в свете исследуемой проблемы**» сформулирована уточненная рабочая дефиниция заговора: **заговор** – словесная формула, организованная особым образом (лексически, грамматически, композиционно, ритмико-интонационно); образец эффективного целенаправленного речевого действия, порождающий положительный прагматический эффект высказывания путем реализации семантики пожелания, «которое должно непременно исполниться» [Крушевский 1876]. В качестве основной единицы заговорных текстов выступает **мифологизм** – текстовая и речевая (ситуативная) реализация семантики архетипа (мифологемы) в данном фольклорном произведении. Мифологизм как основная единица заговорных текстов представляет собой многослойное образование, сочетает названные аспекты: прагматику, эстетику, магичность, символичность. Жанр заговора, истоки которого находятся в глубокой древности, палеолите, зафиксировал и сохранил изменения в восприятии мира предками современных славян. Анализ лексико-семантической структуры каждого мифологизма позволяет раздвинуть рамки современного восприятия слов.

В лексико-семантической структуре мифологизма выделяется пять уровней: 1. Основное понятие (понятийный уровень) – ядро лексико-семантической структуры мифологизма. 2. Этимология (парадигматический уровень) – «история» лексического и семантического планов. 3. Контекст – лексические и семантические связи с другими словами (синтагматический уровень). 4. Формульность – способность образовывать устойчивые словосочетания (соединения) неразложимые по смыслу – так называемые фольклорные идиомы. 5. Соотношение конкретного мифологизма с семантикой архетипа/ мифологемы (меморативный уровень). Так, например, лексема **ветер** (движение потока воздуха в горизонтальном направлении), праслав., первоначально имела значение одушевленного названия ветра:

*vě-tr-o (*větrъ) – «тот, кто дует, веет», «бог ветров» [Цыганенко 1970: 67], [Черных 1999, I: 146]. В ст.-сл. и др.-рус. языке **вѣтръ**, после падения слабого гласного **ѣ** в форме им. п. появился беглый гласный **е** (в косв. п. его нет). На рус. почве **Ѣ** дал **е**, в укр. языке - **і**. Следовательно, персонификация ветра имеет этимологическую подоплеку: «*70 буйныхъ вѣтровъ, 70 вихоревъ и 70 вѣтровичъ и 70 вихоровичъ*» [306/7, любовн. 3.]; «*взмолюся тремъ вѣтрамъ, тремъ братьямъ: вѣтеръ Моисей, вѣтеръ луна, вѣтеръ буйный вихорь!*» [307/8; любовн. 3.], «*помолюся я тремъ братьямъ, тремъ вѣтрамъ: первый братъ, вѣтръ восточный, второй вѣтръ – западъ, третій вѣтръ – сѣверъ*» [308/8]. Традицию обожествления ветров подтверждают мировые аналогии - ассоциации с братьями-Бореями из греческой мифологии. В словаре В.И. Даля приводится подробная классификация ветров – по силе, по

постоянству, по направлениям, зафиксированы общеупотребительные и диалектные варианты наименований ветров [Даль 1981, I: 334].

Мифологизм лексически воплощается в виде *nomina propria* и *nomina appellativa*, грамматически может существовать в единственном и множественном числе, в мужском, женском и среднем родах, в одной из форм падежной парадигмы.

В п. 1.2. «Проблема идентификации: заговор как текст, как речевой жанр» заговор рассматривается как текст, членимость которого обеспечивает наличие системы конституэнтов. В заговорном тексте реализуются все типы когезии, обеспечивающие континуум. Гарантией цельности текста заговора, его интеграции и завершенности является взаимодействие категории времени с реализацией пространственных характеристик, а также тавтология и система антонимов как организующие факторы ритмико-звукового и смыслового аспектов.

Определить заговор как речевой жанр позволяют следующие моменты: относительная устойчивость высказывания, специфическая завершенность заговора, смена речевых субъектов (иногда), композиционно-стилистические особенности – замысел, который диктует выбор определенных языковых средств и их расположение, экспрессивный момент, воплощающийся в экспрессивной интонации.

Используя методику академика Б.А. Рыбакова, которую он сам определил как «глубина памяти» [1994], в **п. 1.3. «Эволюция проблемы мифологем в восточнославянском фольклоре»** мы выделили основные мифологемы в истории развития славянства, попытались отобразить этот процесс в динамике, основываясь на материале заговорных текстов. Генеральная линия развития мифологем шла в направлении от прагматики к эстетике, от апеллятива – к имени, что свидетельствует о наличии общих мировоззренческих процессов в истории человечества.

Взаимодействие заговора с другими фольклорными жанрами, отмеченное в **п. 1.4. «Заговор в системе восточнославянских фольклорных жанров»** стало причиной ряда заимствований на уровне персонажей, мотивов, композиционных элементов, нашло отражение в лексике заговорных текстов. Заговоры как тексты маргинальные, с одной стороны, подверглись многочисленным трансформациям, войдя в обряды, в детский фольклор и другие жанры, с другой стороны, сохранили функциональное и жанровое своеобразие. Процесс утраты обрядом основной магической функции шел неравномерно, быстрее – у русских, медленнее – у белорусов, таким образом, современное бытование жанра заговора обусловлено уровнем социального развития этноса.

Вторая глава «Тематическая классификация лексики русских заговорных текстов» посвящена описанию этимологии и семантики лексики заговорных текстов. В **п. 2.1. «К вопросу о таксономизации лексики заговоров»** дается краткая историографическая справка по данной проблеме.

В работе предлагается функционально-тематическая классификация лексики восточнославянских заговоров, следовательно, тематический разряд

формируют имена собственные и нарицательные на паритетных началах. Выделены следующие разряды номинаций: 1. Имена христианских богов, номинации, связанные с христианской обрядовостью (теонимы). 2. Наименования, не имеющие соответствий в реальном секторе онимии или подвергшиеся народной этимологизации, метафорическому переосмыслению, фонетической трансформации (мифонимы). 3. Реальные имена персонажей или названия географических объектов (реалионимы). 4. Локативные характеристики заговорного континуума (топонимы-локусы). 5. Номинации темпоральных заговорных величин (хрононимы). 6. Наименования астрообъектов (астронимы). 7. Мифозоонимы. 8. Мифофитонимы. 9. Номинации действующих лиц (мифологизмы-агенсы). 10. Наименования болезней (валидонимы). 11. Названия действующих стихий. 12. Апеллятивы, называющие действующие предметы. 13. Номинации вражеских сил (демонимы). Учитывая специфику языка фольклора, очевидно, что всякая строгая классификация будет иметь относительный характер.

Основную композиционную нагрузку в пространстве заговорного текста несут мифотопонимы – море-Океан, остров Буян, камень Алатырь. Океан представляется символом первоначального моря, водной стихии. Идею острова удачно определил В.Э. Айрапетян [1993: 244-245] - «инакость: окруженный водой, струями остров (струя: о-стров, ср. равнозначное диалектное о-ток) в противоположность материкау иное место, это носитель иного, особого, исключительного. ...Тема острова перекликается с темой иной страны, иностранного», шире – иного пространства, мира. Камень представляет собой мифологическую субстанцию, наделенную сакральными свойствами. Морской пейзаж, горы, на которых действуют субъекты-посредники заговорных текстов – экзотический рельеф для славян, в силу этого переосмысленный как мифологический. Проведенное исследование подтверждает мысль Б.А. Рыбакова, что ландшафтной зоной славянской прародины были лиственные леса Центральной и Восточной Европы с их реками, поймами, болотами. Ни берега морей, ни горные области в состав прародины не входили (сер. II тыс. до н. э.) [1982]. Рельеф вероятной прародины славян нашел отражение в локативных характеристиках заговорного пространства. Апеллятивные номинации («чисто поле») обладают способностью композиционно организовывать заговоры.

Разряды фитонимов и зоонимов представляют особый интерес в плане контаминации совершенно разнородных явлений. Язычество и христианизация, зоолатрия и табуирование, тотемизм и абсолютная прагматика создают благоприятную почву для мифологизации образов.

Единицы времени в заговорах предельно абстрактны, передают значение вневременья и всевременья. Универсальность временных единиц обусловила их наличие в тематически различных видах заговоров в приблизительно одинаковой концентрации, а их абстрактность декларирует константное всегда – вечность, силу и действенность заговорного слова.

Отличительной чертой лексических единиц разряда «Номинации действующих лиц» является их способность и стремление к формированию списков-перечней по половозрастным, семейно-родственным отношениям как отдельных композиционных элементов, которые зачастую по законам параллелизма переносятся в мир животных, по роду деятельности, по ролям в свадебном обряде. Контаминация этих отношений в заговорах соответствует реалиям жизни, когда человек выступает в различных отношениях в определенном статусе (девица – жен. рода, молодая, незамужняя, «княгиня»-невеста и т.д.). Плеоназм как стилистический прием представляется неотъемлемой чертой подобных списков-перечней, характерен он и для единичных лексем-наименований персонажей, действующих в эпической части заговора. Наличие количественных числительных, определяющих число персонажей, является своеобразной гарантией осуществления желаемого, чем больше персонажей, тем действеннее заговор, быстрее происходит процесс достижения желаемого.

Союз основных действующих четырех стихий (разряд «Номинации действующих стихий») - гидросферы, атмосферы, литосферы и огня, в заговорах дополняется стихией слова. Заговоры единственные среди фольклорных текстов вполне определенно сообщают о существовании ноосферы – сферы разума, где основными элементами являются мысль и слово. Это уникальное явление в фольклоре, позволяющее говорить об эзотерическом опыте и знании предков.

Подбор действующих предметов и атрибутов в заговорах не случаен, а обусловлен прагматической целью субъекта (в данном случае создателя или пользователя) заговорного текста (например, заговоры воинские – виды оружия; заговоры любовные – печь (на любовь красной девицы); заговоры от истечения крови – нитка (зашивать рану) и т.д.).

Первоначальные посредники заговоров - берегини и вампиры – не сохранились в текстах. Их функции перешли к святым и проявлениям нечистой силы. Постепенно выстраивалась сложная иерархическая система сил, враждебных человеку. В нее входят языческие божества (верховные боги язычества стали рассматриваться как отрицательные, а представители низших уровней мифологии, за счет своей прагматической функции более устойчивые, создавали сложные сочетания с христианской религией), а также божества, противостоящие святым. Традиционно иноземцы и их боги также относились к разряду врагов. Позднейшее расширение круга «врагов» связано с введением новой религии – христианства, которая не только привнесла новых богов, но и новые понятия (грех, заповеди), то есть модернизировала мораль и нравственность. На более высоком уровне развития сознания человечества проявляется патриотизм: понятие «враг» распространяется и на противников социума. Расширение семантики лексемы «враг» воплощается в традиционных моделях именования – субстантивации прилагательных и возникновении рядов синонимов.

Обобщая тематическую интерпретацию материала, следует подчеркнуть уникальную возможность описания диахронии духовного наследия

восточных славян, запечатленного в текстах заговоров во всем многообразии апеллятивной и ономастической лексики.

Анализ семантики апеллятивных лексем подтвердил гипотезу об актуализации сакрального значения в диахронии. В основе номинации выявляется внутренний образ (зачастую это этимон слова). Подтверждается мысль А.А. Потебни, что образность в слове первична, а безобразное состояние вторично [Потебня 1999]. Образный компонент лексического значения является основным источником сведений о доисторической эпохе, о дописьменном периоде развития славянского этноса.

Образный компонент вычленяется как в семантике апеллятивов, так и в структуре имен собственных («Лукоморье ср. морской берегъ, морская лука». «Лука ж. изгибъ, погибъ, кривизна, излучина; заворотъ рѣки, дуга; низменный и травяной или лѣсистый мысь; поемный лугъ, огибаемый рѣкою // Иногда лука принимается, обратно, въ знач. залива, затона, заводи, или это // нврс. травяная лощина, лугъ» [Даль 1981, II: 272], служит базой для формирования дополнительных коннотаций. «Лукомор'я» - морська бухта у формі дуги. Проте фольклорно-міфологічний світ осмислює лукомор'я і як «криве», «лукаве» море (порівн. апокрифічне місто Лукор'є, біс – лукавий). Це «неможливий простір, куди відсилаються нещастя і хвороби» [Українські замовляння 1993: 208]).

Как известно, современные исследования лексики и семантики связаны с реализацией принципа укрупнения лексикологии: изучается более широкая синтагматическая сочетаемость слов, выявляются более глубокие парадигматические группировки в лексике [Степанов 2002].

Лексика, в которой отражаются предметы, явления, связи объективной действительности, имеет своим заданием ее логическое осмысление. Как подчеркивают лингвисты, слово, выражает понятие, которое само по себе представляет логическую категорию. Референция, номинация суть мыслительные процессы, продуцируемые лексикой. Применяя компонентный анализ к исследованию лексического значения, мы совершаем логическую процедуру, основанную на смысловых ассоциациях, заложенных в семантике [Хлебникова 1989]. Контекст любого произведения, в том числе, фольклорного, построен на логических связях объектов реального мира. В этом случае мы опираемся на точку зрения Р.Г. Авояна и рассматриваем понятие «контекст» широко: не только как языковое окружение, актуализатор лексической и синтаксической семантики, но и как историко-культурный, социальный, экстралингвистический, поскольку контекст служит зеркальным отражением направленности мысли и вбирает в себя всю многоплановость деятельности человека [Авоян 1985]. Апеллятивы и онимы вступают во взаимодействие в контексте фольклорного произведения, под влиянием прагматической установки текста заговора подвергаются лексико-семантической трансформации. Апеллятивная и онимическая лексика формирует лексико-семантические пространства композиционных элементов заговора.

Композиционный элемент	Семантика	Лексические единицы
1. Введение	Упоминание святой Троицы («Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа»)	Теонимы
2. Зачин	Выход в мифологическое пространство; упоминание о камне; мифологический хронотоп. <i>Куда? Когда?</i>	Мифодромонимы, мифотопонимы, мифохрононимы, фитонимы, астронимы
3. Эпическая часть	Чудеса, совершающиеся вокруг камня. Сюжет. <i>Кто</i> производит действие? <i>Где?</i>	Теонимы, мифонимы, реалионимы, демонимы, действующие лица, предметы, зоонимы; мифокоординаты
4. Перечень/перечни	Перечень видов болезней, частей тела, локусов, хронометрических координат. <i>Что? Когда?</i>	Валидонимы, демонимы, локусы, астронимы, хрононимы
5. Ссылание	Локус – место ссылки. <i>Куда?</i>	Локусы– мифотопонимы, реалионимы, демононимы; зоонимы
6. Закрепка	Магическая формула, в которой словам заговора придается сила и действенность. <i>Что?</i>	Действующие предметы, стихии
7. Зааминивание	«Аминь».	Теоним

Таким образом, семантика композиционных частей складывается под влиянием лексем-мифологизмов, образующих в тексте заговора устойчивые синтагмы.

Мир фольклорного произведения – заговора, равно как и мир художественного текста, реализуется согласно авторской целеустановке содержания в следующих авторских проекциях: кто? – персонажные пространства текста; что? – предметные пространства текста; где? – физические пространства текста; когда? – временные пространства текста [Диброва 2001: 313-321]. «Куда?» рассматривается как вариант «где?».

Согласно прагматической установке все пространство заговора имплицитным центром имеет объект действия, в эксплицитном выражении – «*рабъ Божій имя рекъ*», *N*; *Иван*, *Мария* (в укр. текстах), любые имена (в белорус. текстах). При произнесении заговора необходимо упомянуть свое имя, или имя объекта заговаривания, при этом употребляются дейктические

формы *мне, ему, меня, его* и т.д. Подтверждается тезис, что самым актуальным для разговорной речи является ЛСП Человек, а это еще раз подчеркивает мысль об антропоцентричности языковой модели мира.

В третьей главе «**Восточнославянская мифологическая лексика – наследие древнерусской фольклорной ментальности**» определяется, что заговорные тексты восточных славян имеют в своей основе общий лексический фонд, который в каждой фольклорной традиции обогащается локальной поливариантностью.

Проведенный анализ лексики украинских и белорусских заговорных текстов при сопоставлении с лексикой русских заговоров обнаруживает, что чем теснее культурно-языковое родство между традициями, тем более тонкие детали обнаруживаются при сравнении или же поддаются реконструкции.

Картина мира, отраженная в русских, украинских, белорусских текстах заговоров, подтверждает наличие общих мировоззренческих рефлексов славянства и человечества. Языческие и христианские образы и мотивы обнаруживают последовательную генетическую связь, являются итогом общего исторического развития славянских народов.

В целом тексты белорусских заговоров в своем большинстве совпадают по содержанию и структуре с западнорусскими и севернорусскими заговорными текстами. Это свидетельствует о близкородственных связях белорусов и русских, представлявших в недалеком историческом прошлом единое этническое сообщество.

Отличия на лексико-семантическом уровне заговорных языковых единиц представляются закономерными явлениями, так как хотя «язык фольклора – наддиалектная художественная форма языка» [Никитина 1988: 288], однако он адаптируется согласно языковым законам каждой фольклорной традиции. Композиционное своеобразие украинских заговоров, представленных преимущественно паремиями, насыщенность белорусских текстов онимической лексикой с обязательными пиететными формами обращения являются наиболее значимыми отличительными чертами украинских и белорусских заговоров по сравнению с русскими текстами в заявленных сборниках. Семантика пожелания реализуется в украинских текстах намного непосредственнее, а лексико-семантическая нагрузка на мифологизмы возрастает: «*Водо Елено! Очищаеш луги і береги, очисти мене від усього злого, болісті і слабості*» [96/132; 3. от болезней (укр.)]¹; «*Водзица-царица, красная дявица, бѣгла сывостоку, змывала з раба божяго уроки*» (трижды на воду наговаривать) [43/16; 3. от уроков (белор)]. Среди украинских текстов преобладают автозаговоры-паремии, когда человек заговаривает себя сам, а словесное действие реализуется в форме императива.

¹ Здесь и далее: в квадратных скобках указаны порядковый номера страниц и номера заговорных текстов в сборниках.

В белорусских текстах целеустановка заговора имеет более опосредованный характер, что требует наличия нескольких статистов-посредников.

Развернутые тексты представлены в сборнике русских заговоров, концентрация мифологизмов в них наиболее высока, количество посредников достигает 70 и более персонажей. Данные наблюдения подтверждают мысль о региональной дифференциации восточнославянских текстов. Заговорные тексты несут отпечаток «образа места»: на Севере, где климат суровее, зимы длиннее, преобладают эпические заговоры, на юге ценят лаконизм, белорусские тексты представляют промежуточный вариант. Таким образом, заговорные тексты предоставляют дополнительные сведения по антропогеографии.

Особенностью имен собственных в заговорных текстах является стремление к обобщению. Личное имя как индивидуальный знак выполняет функцию дифференциации, индивидуализации и, в то же время, идентификации: Алатырь – камень, Буян – остров, Хвалынское – море. Наблюдается явление субституции – замещение имени собственного именем нарицательным. Примеры табуирования свидетельствуют об ином процессе: камень в эпической части заговоров – только Алатырь, остров – только Буян. Таким образом, взаимодействие имен собственных и апеллятивов в заговорных текстах свидетельствует об относительной предопределенности данных языковых единиц. На уровне семантики реализуется возможность перехода из одной категории в другую.

Лингвогеографическое единство праславян отразилось в общем, преимущественно праславянском, лексическом фонде заговоров восточных славян. Хотя лексемы имеют разное фонетическое оформление согласно законам и правилам того или иного языка, этимон един для трех языков. Антропонимные номинации в заговорных текстах представляют позднейшие наслоения, связанные с первым этапом трансформации заговоров в связи со всеобщей христианизацией культуры.

В усвоении иноязычных имен собственных принимающим языком происходили следующие процессы: аферезис – Алатырь – «*латырь*», Иустинья – «*Устинья*» [322/4]; аферезис и протеза – Иордан – «*Ярдань*» [305/6], «*Ердан*» [355/6], Иаков – «*Яковь*» [364/4]; протеза - Адам – «*Вадамь*» (белорус.) [81/159]; различного рода субституции – Козма – «*Косьма*», Матфей – «*Матвей*», Дмитрий – «*Змитрий*» [15/38], отпадение конечных гласных основы – «*Егорий*» – «*Егорь*», «*Власий*» – «*Влась*», «*Флора*» – «*Флорь*» [387/3]. Интерес представляет образование названия «*Хвалынское море*» из Хвалисское (XII – нач. XIII в.) [292/7; 298/5; 300/7; 321/2; 323/5].

Разнообразным фонетическим трансформациям в духе народной этимологии подверглись многочисленные христианские теонимы в белорусском языке: св. София – «*Сохвэя*» [53/1; 55/7]; Осип – «*Восип*» [10/27; 23/67]; Исакий и Яков – «*Сакь и Яковь*» [61/39], «*Исакій, Якій*» [124/1], «*Исаковь и Яковь*» [61/39]; Иоанн Богослов и Креститель – «*св. Ивань*

богословъ храститаль Христовъ» [11/27], «Янь хрящицель» [31/105, 130/35], полонизм «свентый Янь» [69/94]; «Ивань Благославъ» (общеслав.) [79/153], «св. Иванъ Ксцицель» [116/321]; четыре евангелиста – «чатыры вангалистыя: Матвѣй и Марка, и Лука, и Иванъ Басловъ» [1/2; 8/21; 52/193]; св. Георгий – «Геворгій вяликомученникъ побѣдоносяцъ» [64/ 58]; св. Фрол и Лавр – «св. Хроль и св. Лаврый» [126/13]; Пантелеймон – «вяликий мучанича Панцецелимоне» [43/159], «св. Панталемоня исцалиталь» [105/269] и мн. др.

Топонимы Святой земли также подверглись фонетической трансформации - слияние или усечение начальных гласных основы: Иерусалим – «Русалимъ» [10/27; 50/187; 125/8], Иордан – «Ярданъ» [4/11; 12/29; 85/182], «Рданъ» [67/76; 78/149], «Ирданъ» [69/94]; народной этимологизации: Сионская гора / горы, Сион – «сіяньская» [3/8; 4/9; 78/152 и т.д.], «Восіаньская» [93/219], «Сіань-гора» [103/263], «Усіаньская» [130/34], подчеркивая признак сияния, имеющий божественную природу и значение. Этим признаком наделяются и другие особенности рельефа: поле – «сіянь-поле» [31/105], «сіяньское поле» [31/106]; море – «на Сіаньскомъ мори стоиць дуб зялёный» [124/1]. Укр.: «Иди правою дорогою через Орданську ріку, на Висолянську гору» [161/116]. «Висолянська гора» - фонетический вариант Сионской / Синайской горы.

Уже в праславянский период (III - II тыс. до н. э.) разносторонние связи (военные, торговые и проч.) с другими народами отражались в языке. Межъязыковое влияние проявлялось в усвоении иноязычных слов. В праславянский период заимствование шло из иранского (Бог), германского (князь), греческого (Океан, тартар) языков.

Изменения в структуре слова имели возможность проследить на примере анализа валидонимов в русских заговорах. Важную роль при этом играют словообразовательные форманты (суффиксы), которые, согласно законам речевой аналогии, формируют парадигмы по словообразовательному подобию (каждая парадигма представляет собой список, построенный по двум-трем словообразовательным моделям).

Генеральные изменения в семантике происходили по линии расширения значения: «**Ворогъ** м. врагъ, недругъ, непріятель, супротивникъ, недоброжелатель, супостать, злоумышленникъ, злодѣй; нечистая сила, сатана; нечистый въ лѣсу, лѣшій// орл. знахарь, колдунъ» [Даль 1981, I: 243]. «**Вѣкъ**» - праслав. слово; первоначально значило «сила, здоровье», откуда далее развилось значение «проявление силы» > «время, в течение которого человек проявляет силу, работает» → «жизнь человека», а от него понятие «длительное время», «период в 100 лет» [Цыганенко 1970: 64], [Черных 1999, I: 138]: «вѣкъ по вѣку, отнынѣ и до вѣку» [332/19; 344/3; 366/11; 376/2; 391/3]; «во вѣки вѣковъ» [376/1; 381/1; 385/; 387/1; 389]. Демонстрируют расширение значения астрономы. В основе их номинации предикаты «светить» (солнце), «сиять» (звезда), «блистать» (заря), т.е. основное значение – давать свет. У месяца выделена семантика измерения - «мерить», в заговорах фиксируются фазы месяца, поэтому лексема входит и в разряд «Астрономы», и в разряд «Хронометрические координаты заговоров». В

украинских заговорах, где списки-перечни, за редким исключением, отсутствуют, месяц воспринимается как «солнце» ночи.

Наблюдается смена значения слова. Культ «бабы» - богини жизни, рождения, здоровья, беременных и охотников - известен со времен каменного века, развился во времена матриархата, а в XIV – XV вв. до н. э. перерастает в культ Березины. В заговорах: «баба – вЂдунья», «сатанина угодница».

Единство лексического фонда восточнославянских заговоров ощутимо не только в апеллятивах, но и в именах собственных. Аккумулирующую роль в этом случае сыграли имена христианских святых, наименования мест, священных для христианства, единые имена первых правителей славян – князя Владимира, княгини Ольги. Метафорически переосмысленные, они появляются в заговорах различной тематики, но сохраняют значение избранности, первичности, царственности. Это исторически мотивированные образы, общие для всех восточных славян.

Заговоры восточных славян отличаются композиционным построением, объемом текстов, наличием определенных начальных и финальных формул, приоритетом определенных тематических групп. Нюансы семантики очень тонкие, раскрываются в контексте. Языческий субстрат трудно выделим. Юг восточнославянской территории демонстрирует склонность к использованию небольших по объему заговоров, север тяготеет к объемным текстам, бытующим преимущественно в письменном виде. Однако восточнославянские заговоры имеют общий лексический фонд, общие образы, мотивы. Близость восточнославянских текстов predetermined исторически, так как фольклор восточных славян длительное время развивался в рамках единого культурного процесса, и онтологически: заговорные тексты считались тайным знанием, не допускающим особых видоизменений. Таким образом, благодаря своей маргинальной природе жанр заговора, равно как и его лексика выполняют стабилизирующую функцию, объединяя восточнославянскую фольклорную традицию.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

1. Сравнительная характеристика русских и украинских заговорных текстов // Славянские духовные традиции Западной Сибири: культура и просвещение, философия и история, язык и литература. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999. С.

2. Система восточнославянской языческой теонимии (на материале русских и украинских заговоров) // Славянские истоки словесности и культуры в Западной Сибири. Ч. 1. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2001. С. 182-189.

3. История изучения заговоров и их ономастического пространства в восточнославянской лингвистической традиции // Духовные традиции славянской письменности и культуры в Сибири. Ч.1. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. С. 94-105.

4. Обозначение временных координат в заговорных текстах // Межэтническая ситуация в Тюменской области и перспективы изучения родного языка. Тюмень, 2003 (в печати).